95 01/27

«СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ».

№ 3.

В. Е. Сыроѣчковскій.

95 01/27

НИКОЛАЙ II
И ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ.

Цѣна 35 коп.

ЗАДРУГА.

МОСКВА.—1917.

ЗАЛРУГА

«СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ».

№ 3.

В. Е. Сыроѣчковскій.

95 01/27

НИКОЛАЙ II

И ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Т-ва „ЗАДРУГА“ Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. № 9
1917.

16045
31/x 1923

1. Новый царь. „Безсмысленныя мечтанія".

20 октября 1894 г. въ Крыму умеръ Александръ III. Тѣло умершаго царя повезли черезъ всю Россію въ Петербургъ, и въ скверную осеннюю погоду схоронили въ Петропавловской крѣпости; тамъ въ склепѣ собора находили себѣ успокоеніе мертвые цари, а рядомъ въ казематахъ крѣпости томились живые революціонеры.

На престолъ вступилъ Николай II, молодой малообразованный офицеръ, еще наканунѣ въ кутежахъ проводившій время. Царь еще не былъ женатъ; и вскорѣ послѣ похоронъ отца онъ повелъ къ вѣнцу свою невѣсту, нѣмецкую принцессу Алису. Холодная, замкнутая, молчаливая Алиса стала русской царицей, но Россія такъ и не стала для нея родною страной.

Какъ это всегда бывало, съ новымъ царемъ пробудились въ народѣ надежды на новыя лучшія времена. Ужъ слишкомъ тяжело жилось подъ суровой властью прежняго царя и его чиновниковъ. И теперь нѣкоторыя земства написали царю, что они ждутъ отъ него распоряженья, чтобы не однимъ чиновникамъ и министрамъ, а и самому народу было позволено участвовать въ устройствѣ своей жизни, въ управленіи государствомъ. Написали и ждали отвѣта.

Въ январѣ новаго года на свадьбу царя были приглашены въ Петербургъ депутаты отъ дворянъ, крестьянъ, казаковъ, городовъ и земствъ. 17 января ихъ позвали на пріемъ къ царю. Онъ вышелъ къ депутатамъ и, не смѣя оторвать глазъ отъ записочки, спрятанной въ барашковой шапкѣ, прочелъ свою рѣчь, гдѣ грубо назвалъ робко выраженныя земствами желанія „безсмысленными мечтаніями". „Пусть всѣ знаютъ,—сказалъ Николай,—что я... буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель".

Такъ Россія узнала, что ей нечего ждать отъ новаго царя. И съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ все дальше и дальше расходились царь и народъ.

2. Ходынка.

Въ маѣ 1896 г. была коронація. Полтора года было у московскаго губернатора, великаго князя Сергѣя, чтобы приготовиться къ коронаціи, но онъ не успѣлъ ничего подготовить толкомъ.

Вечеромъ, наканунѣ назначеннаго народнаго праздника, царь былъ въ театрѣ. Еще въ то время, когда театръ былъ полонъ придворными и важными генералами, со звѣздами и крестами на груди, и богатыми дамами въ брилліантахъ, толпы простого народа шли среди ночи за Тверскую заставу на Ходынское поле, гдѣ на утро должны были раздавать царскіе подарки народу—по кружкѣ, платку и по пряннику съ конфетами. И за царскимъ подаркомъ шли и старые и молодые, дѣвушки и бабы съ дѣтьми на рукахъ.

Была еще ночь, а толпа въ полмилліона людей уже залила Ходынское поле. Къ утру стало такъ тѣсно, что трудно было повернуться, а сзади приходили все новыя толпы людей, напирали и толкали впередъ, — туда, гдѣ стояли палатки съ гостинцами. Послышался плачъ дѣтей, женскіе крики. Почуялась какая-то бѣда, стало тревожно; лица стали блѣдны и серьезны. И вдругъ раздался страшный протяжный крикъ. Встревоженный народъ надвинулся еще впередъ къ палаткамъ, а тамъ люди въ ужасѣ старались вырваться изъ толпы съ крикомъ: „Не ходите!.. Сквозь землю проваливаются!..“

Передъ палатками были старые рвы; наканунѣ ихъ наскоро закрыли тонкими досками и сверхъ досокъ засыпали землею. Но доски не выдержали тяжести толпы, и люди рухнули вмѣстѣ съ досками въ канавы. А сзади напирала толпа. Въ минуту рвы наполнились вровень съ краями, и по живымъ и умершимъ толпа помчалась дальше впередъ, поваливъ и палатки съ подарками и качели. А потомъ со стономъ, плачемъ и крикомъ разбѣжались съ проклятаго мѣста, оставивъ 3 тысячи задавленныхъ людей съ синими лицами, поломанными костями, концы которыхъ у иныхъ торчали сквозь праздничныя рубахи.

Что же дѣлалъ царь? Всѣ ждали, что онъ отмѣнитъ всѣ праздники. Но онъ поѣхалъ на Ходынку не тогда, когда еще всюду лежали неубранныя тѣла, а когда поле прибрали, на томъ мѣстѣ, гдѣ только что гибли тысячи

людей, весело играла музыка, встрѣчая царя. А вечеромъ былъ балъ, и гости весело танцовали, не вспоминая тѣхъ телѣгъ, которыя попадались имъ навстрѣчу сегодня на пути къ Ходынскому полю, и изъ которыхъ торчали руки и ноги мертвецовъ.

3. До Японской войны.

Съ тѣхъ поръ Николай правилъ Россіей 8 лѣтъ до начала Японской войны. Въ Москву ко дню коронаціи пріѣзжали волостные старшины изъ деревень. Имъ царь напомнилъ слова своего отца, чтобы крестьяне ничего не ждали и не вѣрили слухамъ о передѣлѣ земли и новой прирѣзкѣ крестьянамъ. На коронаціи были и предводители дворянства. Дворянамъ царь сказалъ, что онъ ихъ считаетъ опорой престола; онъ говорилъ имъ, что знаетъ, какъ трудно живется дворянину-помѣщику, и что онъ не забудетъ ихъ нуждъ.

Такъ и пошла жизнь, какъ сказалъ Николай. Крестьяне, недавно пережившіе страшный голодъ, продолжали еле перебиваться съ землею. Попрежнему они платили непосильныя подати, да тутъ еще ввели казенную продажу вина, и казна богатѣла на мужицкія пьяныя деньги. Какъ въ крѣпостное время баринъ, такъ теперь стоялъ надъ крестьянами земскій начальникъ изъ помѣщиковъ-дворянъ, и въ волостныхъ судахъ еще сѣкли розгами иногда даже старыхъ и почтенныхъ крестьянъ. А когда крестьяне начали волноваться, правители не пожалѣли милліоновъ рублей, чтобы нанять стражниковъ. На школы же денегъ не хватало, и мужики оставались неграмотными.

Къ царствованію Николая у насъ было уже много фабрикъ и заводовъ, гдѣ работало много людей. Тяжелъ былъ трудъ, нелегка жизнь рабочихъ. Но когда они, потерявъ терпѣніе, бросали непосильную работу, казаки разгоняли толпы „забастовщиковъ“ нагайками.

Свои нужды были у студентовъ. Но когда они собирались поговорить на сходки, ихъ сажали въ тюрьму, отправляли въ ссылку и, наконецъ, стали отдавать въ солдаты. Газеты молчали, боясь сказать слово правды. Попы преслѣдовали честныхъ и трезвыхъ старообрядцевъ; въ Москвѣ у нихъ опечатали храмъ. На Кавказѣ преслѣдо-

вали духоборовъ за то, что они не признавали, по Божьей заповѣди, убійства, и отказывались отъ войны и военной службы. Семь тысячъ ихъ, трудолюбивыхъ и честныхъ людей, должны были переселиться въ Америку. Притѣснялись земства и городскія думы; вся Россія была отдана подъ зоркій надзоръ губернаторовъ. И опершись на губернаторовъ и исправниковъ, стражниковъ и казаковъ, министры и придворные въ Петербургѣ покойно пользовались властью. Тотъ, кто могъ, грабилъ казну. Вступая въ должность, новые министры тратили по 60 тысячъ рублей казенныхъ денегъ на отдѣлку своей квартиры. Больше всего воровали въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ, во главѣ котораго стоялъ великій князь. Когда русскій броненосецъ „Сысой Великій“ пришлось чинить во Франціи, французы съ удивленіемъ увидали, что вмѣсто металлическихъ заклепокъ его обшивки тамъ были деревянныя пробки или просто тряпки. Немудрено, что, при такомъ воровствѣ во время построекъ, наши броненосцы перевертывались и тонули просто отъ сильнаго вѣтра.

А царь читалъ отчеты своихъ слугъ и министровъ, гдѣ все было представлено въ лучшемъ видѣ, и коротко отмѣчалъ на поляхъ: „отрадно“, „пріятно“, „жаль“, или чаще всего—„прочелъ съ удовольствіемъ“.

4. Японская война.

Въ 1904 г. началась японская война. Въ эту войну втянула Россію кучка вліятельныхъ, близкихъ къ царскому двору, и богатыхъ людей. Ихъ манили лѣсныя богатства на рѣкѣ Ялу въ Кореѣ. Въ новое лѣсное дѣло вошли царица Марія Федоровна и братъ царя Михаилъ и вложили свои деньги. Другіе не прямо, а черезъ подставныхъ лицъ, даже черезъ своихъ слугъ, дали денегъ на выгодное дѣло. Во главѣ всего предпріятія стоялъ намѣстникъ Дальняго Востока Алексѣевъ.

Русскія войска должны были пойти въ далекія края, защищать тамъ интересы царской семьи и другихъ сильныхъ людей. Дальше уже стали мечтать о захватѣ всей Кореи, ни во что ставя маленькую Японію, которой не должно было понравиться русское хозяйничанье въ сосѣдней странѣ. А если будетъ война, то въ Петербургѣ ждали легкой по-

бѣды надъ маленькой Японіей и думали, что побѣда украситъ новой славой царя-самодержца.

Но невѣрными оказались эти разсчеты. 26 января, когда офицеры портъ-артурской эскадры безпечно веселились на именинахъ адмиральши, ночью три японскихъ миноносца подошли, не торопясь, безъ шума, къ самымъ бортамъ броненосцевъ „Цесаревича", „Ретвизана" и „Побѣды"-выпустили свои мины, и броненосцы погибли. Такъ началась война.

Непрерывной вереницей потянулись на Дальній Востокъ солдаты, пушки, лошади, снаряды, но никто не зналъ, зачѣмъ намъ нужна война, зачѣмъ нужна Корея, когда и своей земли много. Интенданты думали не о войнѣ, а о будущей наживѣ. Офицеры смотрѣли на будущіе походы, какъ на военную прогулку, были заняты картами и виномъ и не успѣли ознакомиться съ устройствомъ нашихъ новыхъ пушекъ, не научились даже изъ нихъ стрѣлять.

Отправляясь командовать арміями, генералъ Куропаткинъ призывалъ къ терпѣнію. И вотъ—терпѣливо стали страдать на навозѣ раненые, когда мимо проносились, блестя электричествомъ, поѣзда командующихъ; терпѣливо гибли цѣлые полки подъ огнемъ японскихъ орудій. Пораженіе шло за пораженіемъ, но всѣ наши неудачи объясняли не невѣжествомъ и неспособностью нашихъ генераловъ, а коварствомъ японцевъ. Коварны они были тѣмъ, что напали на наши суда, не объявляя войны; коварны тѣмъ, что не вывозили, какъ это дѣлали мы, орудій на видныя мѣста, а стрѣляли изъ овраговъ и ущелій перекиднымъ огнемъ; коварны—тѣмъ, что дѣлали обходы въ сотни верстъ, а не атаковали нашихъ позицій прямо въ лобъ.

Въ отрѣзанномъ Портъ-Артурѣ солдаты умирали отъ тифа, цынги и японскихъ шимозъ. Запертый флотъ погибалъ въ портъ-артурской бухтѣ; наши снаряды не долетали до японскихъ судовъ; а съ нихъ безошибочно разстрѣливали русскіе броненосцы. Броненосецъ „Петропавловскъ" утонулъ, наткнувшись, вѣроятно, на свою же мину, и съ броненосцемъ погибъ одинъ изъ лучшихъ адмираловъ, Макаровъ.

Русская эскадра (корабли), огибая Европу и всю Африку, шла изъ Кронштадта на помощь къ Портъ-Артуру. Когда она стояла у острова Мадагаскара, подошелъ фран-

цузскій крейсеръ. Съ него спустили шлюпку и черезъ нѣсколько минутъ на бортъ „Суворова“ поднялся офицеръ, блѣдный и съ трудомъ говорившій; онъ привезъ пакетъ адмиралу Рождественскому, командовавшему эскадрой. Когда пакетъ передали адмиралу, офицеръ разрыдался и, отказываясь объяснить свое волненіе, просилъ отпустить его на крейсеръ. Этотъ офицеръ привезъ извѣстіе о сдачѣ Портъ-Артура.

Эскадра Рождественскаго поплыла дальше на вѣрную гибель. И у Цусимы японскій адмиралъ Того одно за другимъ разстрѣлялъ наши суда.

А что же царь? Еще въ началѣ войны, когда кишеневскій предводитель дворянства, Крупенскій, говорилъ съ нимъ о гибели нашихъ броненосцевъ въ Портъ-Артурѣ, Николай небрежно замѣтилъ: „я смотрю на это, какъ на укусъ блохи“. Въ тотъ день, когда пришло извѣстіе о гибели Макарова, ген. Рыдзевскій былъ у царя съ докладомъ. Рыдзевскій ждалъ, что царь—разстроенъ и опечаленъ, но Николай весело поздоровавшись съ генераломъ, потащилъ его за руку къ окну, за которымъ порхали крупныя снѣжинки. „Какая погода! Хорошо бы поохотиться, давно мы съ вами не были на охотѣ. Сегодня что у насъ—пятница? Хотите, завтра поѣдемъ?“ Смущенный генералъ поспѣшилъ откланяться, а черезъ минуту онъ видѣлъ, какъ Николай въ саду безпечно стрѣлялъ воронъ изъ небольшой винтовки. Что для него была гибель Макарова и горе Россіи?

Такъ встрѣчалъ Николай и дальнѣйшія неудачи. Каждый разговоръ о войнѣ ему былъ непріятенъ, и онъ спѣшилъ оборвать его или скорѣе довести до конца. Онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать о томъ, что дѣлалось на Дальнемъ Востокѣ, можетъ быть, чувствуя, что все это приведетъ его къ гибели.

5. Девятое января.

Съ каждой новой неудачей на войнѣ росла тревога и возбужденіе въ обществѣ. Но пока земскіе и городскіе люди, доктора, писатели, ученые собирались на съѣзды и снова подавали царю заявленія, что для спасенія Россіи необходимо дать народу свободу и подѣлить съ нимъ власть, тѣмъ временемъ рабочіе вышли на улицу. Это было

9 января 1905 г. въ Петербургѣ, когда они пошли къ царю искать „правды".

Уже больше года среди петербургскихъ рабочихъ, былъ извѣстенъ тюремный священникъ Гапонъ. Мало-помалу онъ становился вождемъ рабочихъ, но въ то же время дружилъ и съ полиціей. Съ разрѣшенія градоначальника Гапонъ устраивалъ собранія рабочихъ, гдѣ много говорилось объ ихъ тяжелой долѣ и нуждѣ. Гапонъ умѣлъ говорить такъ, что слова его доходили до сердца, и возлѣ него были преданные люди, готовые итти за нимъ въ огонь и воду. Въ концѣ декабря рабочіе сами стали торопить „батюшку" итти къ царю и сказать ему всю правду и о народной нуждѣ и о томъ, какъ нужна для Россіи свобода.

9 января съ разныхъ концовъ города тысячи рабочихъ съ бѣлыми флагами, царскими портретами, хоругвями и иконами (вѣдь они шли съ миромъ) пошли къ Зимнему дворцу. „Пойдемъ къ царю", говорили наканунѣ, „и скажемъ ему, какъ мучаютъ насъ, какъ мы голодаемъ и какъ невѣжественны, подобны скотамъ, почти что всѣ неграмотны"... „Товарищи, а если царь не захочетъ принять, выслушать насъ", спрашивали одни. „Тогда нѣтъ у насъ царя", въ одинъ голосъ отвѣчали другіе.

Тѣмъ временемъ всюду на улицахъ Петербурга разставляли солдатъ и казаковъ, и ночью нарочно привезли изъ Пскова новый свѣжій полкъ. Знали и министры и полиція, что придетъ имъ конецъ, если только народъ добьется свободы; и они внушили царю, что рабочіе готовятъ бунтъ противъ него, и готовились завтра разстрѣлять толпу, спасая себя.

Былъ хмурый день, когда, взявшись за руки, молодые и старые, женщины и дѣвушки пошли ко дворцу. „А что если солдаты будутъ стрѣлять",—снова спрашивали они. — „Мы возьмемъ ихъ за плечи и скажемъ: „что вы, братцы, да развѣ можно въ своихъ?.." Но уже черезъ полчаса у разныхъ окраинъ города казаки съ шашками налетали на толпу стрѣляли солдаты, въ страхѣ разбѣгались и падали люди, и шальныя пули догоняли бѣгущихъ.

Слухъ о разстрѣлахъ быстро разнесся по городу. Люди забыли обычный страхъ. Въ гнѣвѣ бросались къ случайно проѣзжавшимъ офицерамъ и съ крикомъ: — „убійцы, кровопійцы", — срывали у нихъ погоны. Кое-гдѣ, подобравъ

убитыхъ, ихъ понесли съ пѣніемъ молитвъ; и снова на толпу налетали казаки и стрѣляли солдаты.

Гдѣ же былъ царь? Еще за нѣсколько дней онъ потихоньку уѣхалъ изъ Петербурга и въ это время со своею семьею дрожалъ отъ страха въ Царскомъ селѣ. Онъ далъ позволеніе убивать рабочихъ, но теперь и не былъ увѣренъ, что солдаты послушаютъ его, и боялся силы толпы, да и не чувствовалъ вѣрности своихъ приближенныхъ.

6. До 17 октября.

9 января всколыхнуло всю Россію. Съ января и февраля начались повсюду забастовки рабочихъ. Не было города, гдѣ бы не бастовали и гдѣ бы не натравливали войскъ на вышедшихъ на улицу рабочихъ; не мало было тогда пролито крови и горькихъ слезъ. Рабочіе наскоро соединялись въ союзы; къ маю сложился большой всероссійскій желѣзнодорожный союзъ.

Съ февраля начала волноваться деревня. Крестьяне изголодались по землѣ, не могли выдержать дольше и съ весны поднялись на помѣщичьи земли и усадьбы. Орловскіе, курскіе, черниговскіе крестьяне со всей волости пріѣзжали къ помѣщикамъ и на подводахъ увозили помѣщичій хлѣбъ; они рубили помѣщичьи лѣса, поджигали усадьбы, винокуренные и сахарные заводы. Волновались крестьяне на Кавказѣ. Въ Прибалтійскомъ краѣ обездоленные латыши поднимались противъ мѣстныхъ помѣщиковъ, нѣмецкихъ бароновъ.

Съ весны закрылись университеты. Профессора, инженеры, учителя, конторщики, адвокаты, писатели, — всѣ начали соединяться въ союзы. Въ маѣ они устроили союзъ всѣхъ союзовъ. Въ то же время тѣсно сомкнулись земства и города. Такъ вся Россія собиралась на борьбу противъ самовластья царя и его слугъ-чиновниковъ.

Въ томъ же маѣ пришло извѣстіе о гибели нашего флота у Цусимы, и возбужденіе и гнѣвъ народа выросли еще больше. На Черномъ морѣ лучшій броненосецъ „кн. Потемкинъ“ поднялъ знамя возстанія. Возставшіе матросы побросали офицеровъ въ воду, и одиннадцать дней мятежный корабль плавалъ по морю. Наконецъ, онъ ушелъ къ берегамъ Румыніи, гдѣ матросы и сдались румынскому правительству.

Съ сентября въ городахъ уже открыто и свободно устраивались митинги, и народъ настойчиво требовалъ свободы. Готовили всеобщую забастовку по всей странѣ, и она началась въ октябрѣ. Съ 7 октября одна за другой начали останавливаться желѣзныя дороги и скоро остановились всѣ. Замерла вся страна. Забастовали телеграфъ и почта, типографіи, фабрики, заводы, земскія и городскія управы; не работали мелкіе чиновники, адвокаты, судьи; закрылись аптеки, въ городахъ остановили водопроводы, электричество и газъ; города оставались безъ воды и съ вечера улицы погружались во мракъ. Во всей странѣ наступила зловѣщая, жуткая тишина.

И правительство не выдержало забастовки. Недавно вернувшійся изъ Америки, гдѣ онъ заключилъ миръ съ японцами, гр. Витте поѣхалъ къ царю, и царь подписалъ манифестъ. Онъ былъ изданъ 17 октября и обѣщалъ всѣмъ свободу слова, совѣсти, собраній и союзовъ и обѣщалъ, что отнынѣ безъ народныхъ избранныхъ, безъ Государственной Думы не будетъ изданъ ни одинъ законъ.

На другой же день улицы городовъ расцвѣтились красными флагами, и ликующій народъ праздновалъ свою побѣду надъ самодержавіемъ.

7. Погромы, казни и разстрѣлы.

Но самодержавный царь не думалъ сдаваться, и въ тѣ же дни, когда онъ обѣщалъ народу свободу, онъ приблизилъ къ себѣ ген. Трепова, и подъ его руководствомъ начались погромы. Тамъ, въ Петербургѣ, во дворцѣ не хотѣли признать побѣды народа; ихъ раздражалъ видъ ликующей толпы и красные флаги надъ нею. И тогда въ отвѣтъ на радостный праздникъ и пѣсни свободы по всѣмъ городамъ губернаторы и полиція стали устраивить свои черносотенныя шествія. Собирали толпу, впереди несли портреты царя, на площадяхъ служили молебны и внушали темному люду, что забастовщики, студенты и жиды идутъ противъ царя, и что убивать ихъ — дѣло хорошее. И съ благословенія архіереевъ и поповъ начиналось злое дѣло.

Еще 17 октября въ Твери окружили и подожгли земскую управу, гдѣ сгорѣли и люди. Въ Одессѣ передъ на-

чаломъ погрома градоначальникъ Нейдгардтъ, стоя, съ царскимъ портретомъ въ рукахъ, проѣхалъ въ коляскѣ по городу. Послѣ этого три дня грабили еврейскіе дома и магазины, били и убивали евреевъ. Въ Кіевѣ, Кременчугѣ, Ростовѣ, Оршѣ, Кишеневѣ и другихъ городахъ — всюду шли погромы. Въ Томскѣ былъ большой митингъ въ театрѣ. Въ это время къ театру подошла толпа хулигановъ съ царскимъ портретомъ. Они подожгли театръ и убивали всѣхъ, кто выбѣгалъ изъ горящаго дома или пробовалъ спуститься съ крыши по водосточнымъ трубамъ. Выйдя на паперть собора, архіерей благословлялъ погромщиковъ, и изъ окна своего дворца губернаторъ смотрѣлъ на шумящую на площади толпу и горящій театръ. Въ Томскѣ сгорѣло 1000 человѣкъ и 150 было убито.

Такъ, вмѣсто обѣщанной царемъ свободы Россія получила погромы. Всюду лилась человѣческая кровь, тюрьмы заново наполнялись людьми, оставалась въ силѣ смертная казнь, закрывали газеты и преслѣдовали союзы. Старая власть не сдавалась; надо было продолжать борьбу.

Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ рабочіе устроили „Совѣты рабочихъ депутатовъ“. Въ отвѣтъ на погромы и аресты они снова объявили всеобщую забастовку; тогда-то и начались кровавые декабрьскіе дни въ Москвѣ.

Въ полдень 7 декабря забастовала Москва. Наканунѣ суетились, запасались провизіей, седьмого всѣ высыпали на улицы. Днемъ и вечеромъ были митинги. По улицамъ изрѣдка проѣзжали патрули драгунъ и казаковъ, проходили отряды солдатъ. Будутъ ли они стрѣлять въ народъ? Они колебались; и только вечеромъ 9-го дѣло разрѣшилось. На Страстной площади драгуны налетѣли на толпу, и, давши залпъ, одного убили, нѣсколькихъ ранили и ускакали. „Убійцы!“ — кричала имъ въ догонку возбужденная толпа, и тутъ же начала строить первую баррикаду (загражденіе).

Въ слѣдующіе дни городъ покрылся цѣлою сѣтью баррикадъ. То серьезно, то со смѣхомъ и шутками валили телеграфные столбы, опутывали улицы проволокой, нагромождали въ кучку бочки, ящики, снятыя вывѣски и ворота, полосанныя рѣшетки. Надъ баррикадами поднимались красные флаги, и кое-гдѣ съ ружьями и револьверами ихъ

готовились защищать дружинники-революціонеры. И были части города, настолько огороженныя баррикадами, что туда не могъ проникнуть ни одинъ солдатъ, ни одинъ казакъ. Такою была Прѣсня.

И тогда правительство объявило войну Москвѣ; здѣсь воевать было легче чѣмъ съ японцами! Въ эти дни, среди необычайной для народа тишины, то здѣсь, то тамъ были слышны звуки ружейной перестрѣлки или пушечныхъ выстрѣловъ: это стрѣляли изъ пушекъ по баррикадамъ или просто по окнамъ домовъ. Въ больницы везли десятки убитыхъ и раненыхъ. Большинство изъ нихъ были мирные люди,—мужчины, женщины и дѣти, виноватые только тѣмъ что не во время попали навстрѣчу солдатамъ. За днемъ наступала ночь. Съ 6 часовъ никому не позволялось выходить изъ дому. Въ ночной тьмѣ на улицахъ и площадяхъ стояли патрули солдатъ. Для нихъ привозили бочки съ водкою, и ведрами ее таскали солдатамъ. Если изрѣдка крались у стѣнъ домовъ запоздавшіе прохожіе, солдаты стрѣляли въ нихъ, и еще ярче и громче были звуки этихъ ночныхъ выстрѣловъ. За Москвой-рѣкой поднималось зарево отъ подожженной солдатами типографіи Сытина...

Долго такъ жить было нельзя, и къ 15 декабря ослабло напряженіе; Москва сдавалась. На улицахъ появились извозчики, стали открываться магазины, жизнь входила въ обычную колею. Стали работать фабрики. Въ это время пріѣхали Семеновскій полкъ изъ Петербурга и Ладожскій изъ Варшавы.

Прѣсня еще держалась, еще вся была во власти рабочихъ и революціонеровъ, и пріѣхавшіе полки обрушили всю свою силу на Прѣсню. Цѣлый день съ утра до вечера ее громили изъ пушекъ. Разрушая баррикады, солдаты продвигались впередъ, обыскивали дома, поджигали фабрики, убивали мирныхъ людей. Съ высокой колокольни семеновцы наблюдали за улицами и дворами и стрѣляли во всякаго, кто покажется. На рѣкѣ стрѣляли въ тѣхъ, кто хотѣлъ перебраться по льду на тотъ берегъ и уйти съ Прѣсни отъ обстрѣловъ.

Прѣсня горѣла. По большимъ дорогамъ изъ Москвы тянулись тысячи людей съ котомками или салазками; это были рабочіе, въ страхѣ бѣжавшіе отъ расправы семеновцевъ по своимъ деревнямъ. Потомъ подсчитали, что за эти

декабрьскіе дни въ Москвѣ было убито 13 дружинниковъ 35 солдатъ и полицейскихъ, а мирныхъ жителей 1011.

Въ то же время 18 офицеровъ и 6 ротъ Семеновскаго полка были отправлены по Казанской желѣзной дорогѣ, чтобы отомстить и устрашить бастовавшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ и полить ихъ кровью пути. Отряду былъ данъ приказъ—„арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно".

Какъ только карательный поѣздъ подошелъ къ первой станціи, солдаты повыскакали изъ вагоновъ и сейчасъ же начали стрѣльбу по народу, бывшему на путяхъ. Такъ начались разстрѣлы. Ѣхали дальше, убивали рабочихъ и случайныхъ встрѣчныхъ людей и всюду разыскивали тѣхъ, кто былъ въ дружинѣ, кто руководилъ забастовкой,—для казни. Покидая дорогу, полк. Риманъ сказалъ рѣчь толпѣ перепуганныхъ собранныхъ крестьянъ. „Я посланъ царемъ"—говорилъ онъ—„возстановить спокойствіе и порядокъ. Но не всѣ главари пойманы; многіе убѣжали и скрылись. Царь надѣется на васъ... Если ораторы вернутся, убивайте ихъ, убивайте, чѣмъ попало,—топоромъ, дубиной. Вы не отвѣтите за это. Если сами не сладите, извѣстите семеновцевъ; мы снова пріѣдемъ!" Такъ Риманъ именемъ царя призывалъ народъ къ убійствамъ.

Еще лѣтомъ разослали по помѣщичьимъ усадьбамъ казаковъ, драгунъ и стражниковъ защищать и охранять помѣщичьи земли и добро. И помѣщики поили, кормили и задаривали казаковъ. Теперь зимою и для деревень пришло время расплаты, и туда были двинуты карательные отряды. Солдаты жгли деревни, сѣкли и на смерть засѣкали крестьянъ. Въ тамбовской губерніи такъ и отданъ былъ приказъ: съ одного конца поджигать, а съ другого начинать пороть. Въ Полтавской губерніи истязатель крестьянъ, Филоновъ ставилъ ихъ на колѣни на снѣгъ и держалъ такъ по два, по три часа, и при этомъ самъ билъ и заставлялъ казаковъ бить мужиковъ нагайками.

Особенно жестоко было усмиреніе въ Прибалтійскомъ краѣ, куда отправили офицеровъ изъ нѣмцевъ, изъ мѣстныхъ бароновъ. Бароны жгли латышскія фермы и вырубали сады; латыши цѣлыми поселками бѣжали въ лѣса и

страдали тамъ отъ голода и непогоды. Офицеры вѣшали десятками и сами разстрѣливали схваченныхъ латышей. И когда военный министръ доложилъ царю о томъ, какъ офицеръ пристрѣливалъ корчившихся на снѣгу отъ ранъ латышей, царь не утерпѣлъ и написалъ на докладѣ—„молодецъ!“ Вообще надо было быть побольше жестокимъ, чтобы угодить царю. Тамбовскій губернаторъ фон-деръ-Лауницъ, который до смерти засѣкалъ крестьянъ, такъ полюбился царю, что царь назначилъ его градоначальникомъ Петербурга и взялъ въ свою свиту. Прославившійся своею жестокостью молодой красивый генералъ Орловъ сталъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ царицѣ.

Такъ погромы, разстрѣлы и казни получилъ народъ отъ царя вмѣсто обѣщанной свободы.

8. Первая Дума.

Какъ ни хотѣлъ этого Николай, онъ не рѣшился отсрочить выборы въ Думу. И выборы состоялись весной 1906 г Въ городахъ на улицахъ шумѣла толпа, говорились горячія рѣчи и раздавали тысячи листковъ и воззваній отъ партій. Правительство заранѣе рѣшило, что города все равно пошлютъ враждебныхъ ему депутатовъ въ Думу. Оно надѣялось на деревню, и такъ составило законъ о выборахъ, чтобы въ Думѣ было достаточно крестьянъ. Отъ крестьянъ ждали, что они поддержатъ и царя и его слугъ-министровъ, но на всякій случай и тутъ приняли мѣры. Земскимъ начальникамъ было приказано слѣдить за выборными собраніями, самимъ вести бесѣды съ крестьянами и въ то же время удалять другихъ безпокойныхъ ораторовъ. Но напрасны были надежды правительства на крестьянъ. Когда собралась Дума, то крестьяне не пошли даже за самой вліятельной въ Думѣ партіей „народной свободы“, а образовали свою, враждебную властямъ, „трудовую группу“.

27 апрѣля правительство готовилось къ встрѣчѣ представителей народа. На улицахъ Петербурга полиція стояла съ винтовками. Возлѣ фабрикъ и заводовъ были разставлены заставы солдатъ и городовыхъ. Въ университетскомъ дворѣ были казаки и у зданія Думы, Таврическаго дворца,—войска. Въ больницахъ готовили мѣсто для раненыхъ.

Съ тревогою готовились въ Зимнемъ дворцѣ къ пріему

депутатовъ. Въ большомъ залѣ царица сама разстилала на тронѣ царя горностаевую мантію, но не могла скрыть злобы и раздраженія противъ Думы; сердцемъ чуяла она, какъ не любитъ народъ ее и ея мужа.

Стали собираться депутаты, и раздѣлились на двѣ толпы. Съ одной стороны стали члены Думы въ черныхъ сюртукахъ и простой одеждѣ; съ другой стороны—члены Государственнаго Совѣта въ орденахъ, крестахъ и расшитыхъ золотомъ мундирахъ. Впервые встрѣтясь, они оглядывали другъ друга.

Вошелъ царь съ царицей, и начался молебенъ. Безъ признаковъ смущенія, съ застывшею улыбкой на лицѣ царь прослушалъ молебенъ и затѣмъ, обернувшись къ членамъ Думы, прочелъ по бумагѣ свое пустое, полное высокопарныхъ словъ, привѣтствіе. Въ рѣчи царя депутаты не нашли ничего, чего ждали отъ него услышать, и глубокимъ молчаніемъ отвѣтили они на его слова. Громкое «ура» бывшихъ въ залѣ офицеровъ и старческое шамканье членовъ Государственнаго Совѣта только больше оттѣняло молчаніе Думы. Царь вышелъ, и, говорятъ, судорга свела ему горло, и два часа онъ не могъ вымолвить ни слова.

Тѣмъ временемъ на невскихъ пароходикахъ изъ Зимняго дворца депутаты ѣхали въ Таврическій дворецъ. На набережной—народъ. Слышны крики—„амнистія, амнистія“! Пароходы бѣгутъ мимо тюрьмы, «Крестовъ»; тамъ заперты „политическіе“—тѣ, кто своей свободой заплатилъ за свободу народа. Изъ оконъ тюрьмы десятки рукъ машутъ депутатамъ бѣлыми платками. Депутаты обнажили головы, крестьяне крестятся, на глазахъ слезы. Депутаты—у Таврическаго дворца; сколько ни старалась полиція, она не сдержала народа, и вотъ толпа окружила депутатовъ. Кого-то подняли на руки. Старикъ крестьянинъ, депутатъ, снялъ шапку, [illegible] говоритъ и клянется толпѣ постоять за народъ и амнистію.

Въ красивой залѣ Таврическаго дворца депутаты размѣстились на скамьяхъ. Старый сенаторъ Фришъ открылъ засѣданіе Думы и предложилъ выбрать предсѣдателя, и единогласно былъ избранъ С. А. Муромцевъ. Не успѣлъ онъ подняться на каѳедру, какъ попросилъ слова И. И. Петрункевичъ.

«Долгъ чести, долгъ нашей совѣсти повелѣваетъ», говорилъ онъ, «чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тѣмъ, кто пожертвовалъ своей свободой за освобожденіе дорогой всѣмъ намъ родины. Всѣ тюрьмы въ странѣ переполнены, тысячи рукъ протягиваются къ намъ съ надеждой и мольбой, и я полагаю, что долгъ нашей совѣсти заставляетъ насъ употребить всѣ усилія, которыя даетъ намъ наше положеніе, чтобы свобода, которую покупаетъ себѣ Россія, не стоила больше никакихъ жертвъ... Мы не можемъ удержаться, чтобы не выразить всѣхъ накопленныхъ чувствъ, крика сердца, и не сказать, что свободная Россія требуетъ освобожденія всѣхъ пострадавшихъ»...

Петрункевичъ не кончилъ. Депутаты поднялись со своихъ мѣстъ, и въ залѣ долго звучало—«амнистія»! И только министры въ парадныхъ мундирахъ, молча, удивленно созерцали эту картину.

9. Роспускъ Думы.

Только 72 дня работала первая Дума. Слишкомъ скоро отлетѣли надежды; слишкомъ скоро стало ясно, что представители народа и слуги царя не сговорятся, не поймутъ другъ друга.

Дума все сказала царю—о безсудныхъ казняхъ, погромахъ, разстрѣлахъ, заточеніяхъ, самовластьи чиновниковъ; о необходимости отмѣны смертной казни навсегда, о необходимости для страны свободы; о томъ, что крестьянину нужна земля, что всѣхъ нужно учить грамотѣ; чтобы крестьяне были равны со всѣми въ правахъ, чтобы на ихъ плечи не ложились чуть не всѣ налоги, чтобы ни еврей, ни полякъ не былъ обиженъ въ Россіи, чтобы всѣмъ народамъ въ Россіи дать равныя права... Но глухъ былъ царь и министры къ голосу народа, и Дума не получала отвѣта.

Дума спѣшила работать, спѣшила переустроить всю народную жизнь. Но вмѣсто важныхъ и нужныхъ законовъ министры въ первую очередь спросили Думу о разрѣшеніи устроить прачешную въ Юрьевскомъ университетѣ. Они не понимали другъ друга. И когда Дума, волнуясь, говорила объ отмѣнѣ позорной смертной казни,

военный прокуроръ Павловъ защищалъ эту казнь. И депутаты-крестьяне, негодуя, встрѣчали рѣчи министровъ криками: „погромщики“, «палачи», «вонъ, долой»; „въ отставку“!

Изъ глухихъ мѣстъ, изъ Сибири, изъ южныхъ степей приходили въ Думу сотни ходоковъ-крестьянъ. Они приносили сюда свое горе, свои нужды, жалобы, просьбы и надежды. А когда они возвращались домой, то ихъ арестовывали и допрашивали. Въ то же время изъ разныхъ мѣстъ отъ „Союза русскаго народа“, прославившагося потомъ убійствами и погромами, присылались царю телеграммы съ нападками на Думу. И царь посылалъ ихъ печатать въ газетѣ «Правительственный Вѣстникъ».

Наконецъ, въ Думѣ подняли вопросъ о землѣ, о передачѣ казенныхъ земель народу и о выкупѣ излишковъ у богатыхъ помѣщиковъ; только у богатыхъ, значитъ, только Николай, великіе князья да немного крупныхъ помѣщиковъ должны были потерять свои земли! Но тутъ царь рѣшилъ распустить Думу. Это случилось нежданно. Утромъ 9 іюля Дума была оцѣплена войсками и полиціей, у рѣшетки сада Таврическаго дворца стоялъ большой нарядъ полиціи; въ Думу не пропускали никого, даже депутатовъ.

Тогда депутаты рѣшились на послѣднее средство, они уѣхали въ Финляндію, въ городъ Выборгъ, и выпустили воззваніе къ народу, въ которомъ призывали народъ не давать ни копейки денегъ ни одного солдата въ армію царя, разогнавшаго представителей народа.

10. Снова казни и погромы.

Если на время Думы затихла борьба между революціонерами и правительствомъ, то теперь она вспыхнула снова.

Снова волновался народъ. Снова въ городахъ начинались стачки, останавливались фабрики и заводы, и по камнямъ мостовыхъ раздавался топотъ копытъ казачьихъ сотенъ. Снова въ деревняхъ рубили помѣщичьи лѣса, снова поднималось зарево надъ дворянскими усадьбами, а потомъ снова толпа крестьянъ стояла безъ шапокъ передъ исправникомъ или земскимъ начальникомъ.

По странѣ пошла волна «экспропріацій» и «террора»,

какъ ихъ называли. Дружины отчаянныхъ молодыхъ революціонеровъ, (а случалось, что имъ подражали и простые громилы), врывались въ почтовыя конторы, винныя лавки, казначейства, банки; раздавался крикъ—„руки вверхъ“, и ворвавшіеся быстро очищали кассы. Въ то же время повсюду начались убійства крупныхъ и мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ, начиная съ губернаторовъ и кончая простыми жандармами. Всего за 10 дней-съ 29 іюля по 9 августа—было убито 101 полицейскихъ, жандармовъ, и военныхъ и ранено 72.

Правительство отвѣчало на все военными судами и смертными приговорами, и, чѣмъ дальше, тѣмъ безудержнѣе примѣнялись казни. Стали казнить даже простыхъ воровъ за кражу полубутылки водки, за кражу 10-ти рублей, за поджогъ стога сѣна. Жутко бывало на судѣ, когда судьи объявляли приговоръ, и раздавался нечеловѣческій, дикій вой осужденныхъ на смерть. Пусть передъ казнью они падали въ обморокъ, все равно палачъ накидывалъ имъ петлю на шею. Казнили, вѣшали и малолѣтнихъ; а сколько тутъ было невинно-осужденныхъ! Немудрено, что, изъ чувства состраданія къ казненнымъ и негодованія противъ палачей, теперь толпа разступалась, когда бѣжалъ человѣкъ, только что стрѣлявшій въ жандарма или въ городового, и снова смыкалась передъ погоней. Немудрено, что палачей найти и среди уголовныхъ преступниковъ становилось трудно; да и тѣхъ должны были переводить все время изъ одной тюрьмы въ другую, чтобы спасти отъ мести ихъ же товарищей, уголовныхъ. Казни все множились; за 3 мѣсяца послѣ роспуска Думы ихъ было 469.

Въ тюрьмахъ били и истязали заключенныхъ. Въ козловской тюрьмѣ били арестантовъ-крестьянъ нагайками и желѣзными прутьями до потери сознанія; обливали водою и снова били. Въ Ригѣ били плетьми, посыпали рубцы солью, покрывали тряпками и снова били. Потомъ топтали ногами, вырывали волосы изъ головы и бороды, выбивали зубы, тушили о тѣло папиросы и сигары. Тогда начались самоубійства въ тюрьмахъ. Такъ, Дорофеева задушила себя косой. Другіе сжигались, обливая себя керосиномъ. Въ Москвѣ Бердягинъ перервалъ себѣ горло отточенной чайной ложечкой.

Снова прошли по городамъ погромы, и изъ нихъ особенно жестоки были въ Одессѣ и Сѣдлецѣ. Въ Сѣдлецѣ еще наканунѣ было приказано докторамъ быть на готовѣ въ больницахъ. Еще наканунѣ драгунскіе офицеры говорили, потирая руки: „ужъ мы устроимъ имъ погромчикъ, пощады не будетъ“! А на слѣдующій день солдаты громили, поджигали и грабили дома. Разбили винныя лавки; а евреевъ били прикладами. А когда драгуны снова прибѣгали за керосиномъ, они слышали отъ офицеровъ—мало убитыхъ! Но убитыхъ было нѣсколько сотъ людей, а изъ солдатъ не пострадалъ ни одинъ. За этотъ погромъ подполковникъ Тихановскій получилъ благодарность въ приказѣ по войскамъ.

Такъ правительство вернулось къ прежнему. Но когда были новые выборы въ Думу, то народъ въ отвѣтъ больше, чѣмъ раньше, послалъ депутатовъ-революціонеровъ. И вторая Дума была такъ же недолговѣчна, какъ и первая. Правительство сначало потребовало, чтобы Дума сама исключила 55 соціалъ-демократовъ и 16 изъ нихъ позволила арестовать, по ложному обвиненію ихъ въ заговорѣ противъ жизни царя. А потомъ разогнало Думу и сослало въ Сибирь на каторгу этихъ 16 депутатовъ.

11. Черная сотня.

Это было время, когда старая власть взяла верхъ надъ народомъ, но зато сама быстро покатилась подъ гору. Отвернувшись отъ всего народа, царь все больше сталъ сближаться съ подонками общества и только тамъ находилъ себѣ поддержку. Это была „черная сотня“, и Николай сталъ ея вѣрнымъ отцомъ-командиромъ.

Какъ ни скрывали, что погромами руководятъ изъ Царскаго села, все таки нѣтъ тайны, которая не стала бы явной. Еще въ 1905 г. по разнымъ городамъ стали распространяться воззванія, въ которыхъ призывали бить евреевъ и революціонеровъ. Всѣ они были хорошо написаны и напечатаны на хорошей бумагѣ. И скоро удалось выяснить, что составлялись воззванія въ Царскомъ селѣ, гдѣ у царя пріютились Треповъ и охранникъ Рачковскій, а печатали прокламаціи въ Петербургѣ въ потайной комнатѣ въ департаментѣ полиціи. Такъ выяснилось, что

погромы устраивалъ царь и самые вѣрные изъ слугъ его. И когда допрашивали распространявшихъ воззванія жандармскихъ офицеровъ, то они, смѣясь, говорили: можно, какой угодно, погромъ устроить,—хотите на 10, хотите на 100 человѣкъ.

Типографію закрыли. Но Николай не забывалъ своихъ вѣрныхъ слугъ и Рачковскому далъ 75.000 р., а другимъ — ордена. Онъ не забывалъ при случаѣ справиться о здоровьи Кацаурова, который устраивалъ погромы въ Ярославлѣ. Глава „Союза русскаго народа", докторъ Дубровинъ, часто бывалъ у царя. Въ Москвѣ царь не забывалъ редактора газеты „Московскихъ Вѣдомостей" Грингмута и священника Восторгова, въ Саратовѣ — епископа Гермогена и въ Царицынѣ—Иліодора, прославившагося своими погромными проповѣдями.

Къ царю постоянно пріѣзжали депутаціи отъ „Союза русскаго народа". Объединяйтесь, истинно-русскіе люди", „вы мнѣ нужны", „буду миловать преданныхъ", — говорилъ имъ царь. И разъѣзжаясь, эти люди знали, что погромы и убійства имъ сойдутъ безнаказанно, что за всѣ свои преступленія они получатъ помилованіе и награды отъ царя.

Кромѣ „черной сотни" Николай искалъ поддержки въ войскахъ, въ гвардіи. Отдѣльныя части войскъ одна за другой вызывались въ Царское село. Николай выходилъ къ солдатамъ, держа на рукахъ наслѣдника-сына, а потомъ передавалъ его на руки какого—нибудь стараго вахмистра. Царь угощалъ чаемъ солдатъ и снимался вмѣстѣ съ офицерами, съ царицею и дѣтьми. „Семеновцы, дорогіе мои", — обращался онъ къ Семеновскому полку, помня кровавыя услуги, которыя оказалъ ему полкъ въ декабрьскіе дни въ Москвѣ. Но не полагаясь и на семеновцевъ, царь устроилъ особый сводногвардейскій полкъ, который долженъ былъ охранять царскую семью.

12. Дальше подъ гору.

Послѣ первыхъ Думъ стала мельчать русская жизнь. Наступило затишье. Сломивъ революцію, правительсто повсюду ввело строгую охрану и за всякое нарушеніе приказа и слова губернатора грозило арестомъ на 3 мѣсяца или штрафомъ въ 3000 руб. Губернаторы ополчились на

газеты и за всякое правдивое слово налагали штрафы, закрывали десятки газетъ, а редакторовъ (руководителей газетъ) сажали въ тюрьму. И тогда замолчали газеты, и настала въ странѣ тишина.

За второю Думою собрали третью, а потомъ и четвертую. Но теперь ужъ не надѣялись больше на крестьянъ, законъ о выборахъ измѣнили и устроили такъ, чтобы въ Думѣ было поменьше крестьянъ, рабочихъ и горожанъ, а побольше помѣщиковъ. И помѣщичья Дума надолго стала послушной правительству. Но собравшіеся въ Петербургъ угодные правительству люди не только забыли думать о нуждахъ народа, они сумѣли унизить и самую Думу. Въ Таврическомъ дворцѣ установились странные нравы. Засѣданія первой Думы проходили торжественно и степенно, теперь же депутаты бродили съ мѣста на мѣсто, разговорами заглушали ораторовъ; предсѣдатель отпускалъ съ каѳедры разныя шутки, и въ отвѣтъ депутаты дружно хохотали. Пуришкевичъ, Марковъ 2-ой и гр Бобринскій ввели въ обычай самую грубую брань и сумѣли привести къ тому, что въ странѣ начали терять уваженіе къ Думѣ.

Когда наступило успокоеніе,—и царь осмѣлился показаться изъ уединенія своего дворца. Снова увидѣлъ его народъ. Царь производилъ впечатлѣніе скромнаго и даже застѣнчиваго человѣка. Странно было видѣть у него на лицѣ одновременно и печальные глаза и недобрую улыбку. Царь былъ домосѣдомъ; ему было уютно въ семьѣ съ дѣтьми. Но любя своихъ дѣтей, онъ былъ равнодушенъ къ чужой жизни и чужому страданію. Близкіе люди знали, что нѣтъ такихъ человѣческихъ страданій, которыми бы можно было тронуть его сердце. Что-то холодное, бездушное было въ этой жестокости царя, залившаго кровью Россію. Николай смолоду много пилъ, и дрожащія руки и неровное письмо показывали, что тѣло царя уже отравлено виномъ. Впрочемъ, онъ теперь уже и не скрывалъ пагубной привычки. Царь былъ человѣкомъ вѣрующимъ. Въ началѣ царствованія онъ ѣздилъ въ Саровъ и тамъ съ искреннею вѣрою открывалъ мощи Серафима. Потомъ при дворѣ то и дѣло стали появляться святоши и юродивые. Царь вѣрилъ имъ, охотно выслушивалъ ихъ вздорныя рѣчи и поступалъ по ихъ совѣту. Въ послѣднее время всѣхъ другихъ затмилъ Григорій Распутинъ. Это былъ

развратный и грязный человѣкъ. Онъ умѣлъ дѣйствовать на женщинъ и, проповѣдуя борьбу съ блудными страстями, самъ успѣлъ испортить много дѣвушекъ. Свою проповѣдь и грязь Распутинъ принесъ и во дворецъ. И придворныя дамы, которымъ Распутинъ говорилъ, что этимъ онъ исцѣляетъ ихъ блудныя страсти, добивались ласкъ, объятій и поцѣлуевъ Григорія. Распутинъ сталъ близокъ царицѣ. Больная душевно, въ ласкѣ его она находила успокоеніе. „Григорій", говорила она, „если всѣ люди на землѣ возстанутъ на тебя, то я не оставлю тебя и никого не послушаюсь". За царицею и царь попалъ подъ вліяніе Распутина. „Григорій", говорилъ онъ, „ходи чаще къ намъ; когда ты съ нами, намъ весело, легко и отрадно".

И Григорій сталъ сильнымъ человѣкомъ. По его волѣ ставились и смѣщались архіереи, назначались министры. Они всѣ заискивали передъ нимъ. И невѣжественный, развратный Распутинъ чванился надъ ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надо всей Россіей: „скоро Столыпина сгоню", — говорилъ онъ, —„на его мѣсто Коковцева поставлю".

13. Конецъ династіи.

Въ іюлѣ 1914 г. началась нынѣшняя война. Въ первые дни войны въ большихъ городахъ можно было видѣть необыкновенное зрѣлище. Не черная сотня, внушая страхъ и отвращеніе, ходила съ царскимъ портретомъ по улицамъ, а шли студенты и пѣли старый царскій гимнъ, собираясь итти на позиціи. Какъ будто забыли Николаю всю пролитую имъ кровь и готовы были примириться съ нимъ въ минуту опасности для родины! Или, въ самомъ дѣлѣ, свалившаяся бѣда переродила царя?

Нѣтъ, этого не было. Царь оставался все тотъ же, все тотъ же врагъ и страны и народа, и самъ же онъ поспѣшилъ открыть на это глаза. Съ самаго начала войны пошли слухи объ измѣнѣ; говорили, что она свила себѣ гнѣздо въ царскомъ дворцѣ, что измѣняютъ родинѣ тѣ, кого приближаетъ къ себѣ царь, и кому онъ даетъ власть надъ страною. Еще до войны было указано, что полковникъ Мясоѣдовъ выдаетъ наши тайны нѣмцамъ. Но военный министръ, Сухомлиновъ, покрылъ Мясоѣдова и, когда началась война, послалъ его въ армію на важное мѣсто.

И только здѣсь, когда ясно стало его предательство и когда всѣ о немъ узнали, Мясоѣдовъ былъ отданъ подъ судъ; а судъ приговорилъ его къ казни. За Мясоѣдовымъ пришла очередь и самого Сухомлинова. Еще въ январѣ 1915 г. онъ увѣрялъ Думу, что у насъ есть и пушки и снаряды, но его слова были обманомъ. А весною наши солдаты остались съ голыми руками, и, поспѣшно отступая, мы потеряли Галицію и Польшу. Начиналась разруха. Было ясно, что среди правительства мало честныхъ и способныхъ людей.

Тогда пробудилась Дума и заговорила новымъ языкомъ, требуя, чтобы старые царскіе слуги ушли, и власть была дана тѣмъ людямъ, которымъ вѣритъ народъ. Но царь слушалъ не Думу, а Распутина, и, по его совѣту, поставилъ надъ страной Штюрмера и Протопопова. А Думѣ снова приходилось обличать въ предательствѣ и близости къ нѣмцамъ и этихъ новыхъ царскихъ министровъ. Теперь и для послѣдней глухой деревни становилось ясно, что не только въ нихъ, но выше—въ самодержавной царской власти—главное зло. И тамъ, негодуя на Николая, говорили, что не царь, а Распутинъ правитъ Россіей.

Тогда великіе князья, спасая царя и себя, убили Распутина. Но было поздно. Къ общей разрухѣ прибавился голодъ, который сталъ грозить странѣ оттого, что министры довели до полнаго разстройства желѣзныя дороги, и нельзя было подвозить хлѣба. Голодъ, измѣна и вѣчныя неудачи вызвали гнѣвъ народа, и переворотъ совершился.

Въ первые дни, когда старая власть, была уже свергнута, и во главѣ страны стояло временное правительство,—царь еще свободно разъѣзжалъ по желѣзнымъ дорогамъ. Но куда ни являлся онъ, нигдѣ никто, ни одинъ полкъ въ арміи, не поднялся за него. Накануѣ казавшійся сильнымъ, онъ былъ теперь всѣми покинутъ, онъ былъ одинокъ А народъ въ это время уже строилъ свою новую свободную жизнь. И когда онъ кончитъ ее строить, въ ней не будетъ мѣста царямъ. Слишкомъ много зла видѣла Россія отъ Романовыхъ, слишкомъ много крови и слезъ пролила при послѣднемъ изъ дома ихъ, Николаѣ. И когда народъ пошлетъ представителей въ Учредительное собраніе, они скажутъ: намъ не нужно больше царя, намъ нужна свободная республика.

Серія народныхъ брошюръ изъ современныхъ политическихъ темъ.

„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ“.

(Подъ редакціей *М. А. Осоргина, Т. И. Полнера и Б. Е. Сыроечковскаго*).

1. Великіе дни А. М. Шубертъ.
2. Какъ старое правительство довело Россію до революціи К. И. Сивковъ.
3. Николай II и его слуги. В. Е. Сыроечковскій.
4. Временное правительство. Б. Е. Сыроечковскій.
5. Борцы за свободу. М. А. Осоргинъ.
6. Учредительное собраніе. Е. Н. Ефимовъ.
7. Всеобщее избирательное право. Е. М. Побѣдина.
8. Равноправіе женщинъ. Е. Д. Кускова.
9. Выборы народныхъ представителей. А. С. Буткевичъ.
10. О свободахъ въ свободныхъ странахъ. Н. А. Кабановъ.
11. Какъ защищалось самодержавіе. Б. Д. Федоровъ.
12. Республика или монархія. Т. И. Полнеръ.
13. Министры, отвѣтственные передъ страной. Н. П. Губскій.
14. Одна или двѣ палаты. Н. А. Кабановъ.
15. Единое государство и союзъ государствъ. А. Ѳ. Саликовскій.
16. Польша. И. С. Рабининъ.
17. Украина. С. А. Ефремовъ.
18. Церковь въ новой Россіи. С. П. Мельгуновъ.
19. Свобода совѣсти. Н. Д. Шаховская.
20. Какъ надо преобразовать церковь И. М. Громогласовъ.
21. Свобода, равенство, братство. Н. И. Тимковскій.
22. Свободный народъ. В. А. Розенбергъ.
23. Солдатъ и офицеръ. В. И. Лебедевъ.
24. Новая армія. В. И. Лебедевъ.
25. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.
26. Какъ нужно преобразовать наши городскія думы. Е. А. Звягинцевъ
27. Народное земство. Е. А. Звягинцевъ.
28. Мелкая земская единица или волостное земство Е. А. Звягинцевъ
29. Полиція и милиція. П. В. Всесвятскій.
30. Судъ и наказаніе. И. Н. Сахаровъ.
31. Темныя силы (Распутинъ и др.). А. Михайловъ.
32. Романовъ въ исторіи. В. В. Филатовъ.
33. На чемъ держалась дружба русскихъ и нѣмецкихъ царей. В. Н. Перцевъ.
34. Пѣсни о свободѣ. И. Н. Розановъ.
35. Отчего загорѣлась великая европейская война. Н. П. Огановскій.
36. Война сто лѣтъ назадъ и теперь. К. В. Сивковъ.
37. Враги-ли евреи русскому народу. Н. П. Огановскій.
38. Будемъ трезвы. С. И. Бондаревъ.
39. Народъ — хозяинъ. А. Б. Петрищевъ.

Земствамъ, кооперативамъ общественнымъ и партійнымъ организаціямъ при массовыхъ заказахъ для раздачи—скидка по соглашенію.

Кн-во „ЗАДРУГА“, Москва, М. Никитская, 29; отд. въ Петроградѣ: кн-во „ОГНИ“. Фонтанка, 80.